

О ЗАМЫСЛЕ "ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА"

Сергей Фомичев

(Санкт-Петербург)

"К 9 мая 1823 года, – замечает Г.П. Макогоненко, – у Пушкина после долгих раздумий и бескомпромиссной оценки своих романтических убеждений окончательно созрел поэтический план романа "Евгений Онегин", открывший новый период его творчества. Начался многолетний труд., в котором мужал поэт. Первые строфы были написаны ночью 28 мая. Тогда Пушкин жил в Кишиневе" (1, с. 341).

Так обычно вспоминаются две первоначальные даты творческой истории романа в стихах, которые мы находим в рабочей тетради Пушкина, перед первой главой (ПД 834, л. 4 об.):¹

"9 мая

28 мая ночью"

Анализ черновика не оставляет сомнения в том, что первая строфа произведения была начата, без всяких предварительных набросков, именно 28 мая. Но что значит поставленная поэтом тогда же, себе на память, дата "9 мая"? Для Пушкина она представлялась принципиально важной: он твердо помнит ее спустя много лет в Болдино, подсчитывая, сколько времени заняла вся работа над романом:

"1823 год 9 мая Кишинев – 1830 25 сент <ября> Болдино ...
7 ле <т> 4 ме <сяца> 17 д <ней>" (ПД 129).

¹ Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, в особом фонде (ф. 244, оп. 1), даются в статье сокращенно: ПД, далее указывается номер автографа и в случае необходимости соответствующий лист рукописи.

Во-первых, попытаемся понять, почему Пушкин помнит именно дату "9 мая" (а не "28 мая"), хотя у него, как очевидно, не было в Болдино под рукой тетради с данными пометками. По старому календарю – это день праздничный, так называемый Николин день (Никола летний). К тому же как раз с этого дня поэт отсчитывал время своей шестилетней ссылки. Под датой "9 мая 1821 г." в пушкинском кишиневском дневнике мы находим следующую запись: "Вот уже ровно год, как я оставил Петербург. Третьего дня писал я к князю Ипсиланти, с молодым французом, который отправляется в греческое войско. – Вчера был у кн. Суццо. Баранов умер. Жаль честного гражданина, умного человека" (2, т. 12, с. 303).

Заметим, что эта дневниковая запись (предыдущая сделана 4-го мая: "был я принят в масоны") появляется именно в связи с годовщиной ссылки ("ровно год") – все остальные факты, сообщенные попутно, носят ретроспективный характер.

Зная о прекрасной памяти Пушкина на даты, мы имеем право подвергнуть сомнению утвердившееся во всей пушкиноведческой литературе мнение о том, что поэт покинул Петербург 6 мая 1820 г. На чем держится такое утверждение? На свидетельствах лиц, хорошо информированных. 5 мая 1820 г. А.И. Тургенев писал П.А. Вяземскому: "Участь Пушкина решена. Он завтра отправляется курьером к Инзову и останется при нем" (заметим, однако, что на следующий день в письме к брату Тургенев сообщает, что Пушкин покинет Петербург завтра, т.е. 7 мая). С другой стороны, 7 мая 1820 г. петербургский почт-директор К.Я. Булгаков пишет своему брату, что вчера Пушкин "уехал в Крым" (Цит. по: 3, с. 216–217).

Сообщения эти (как видим, к тому же отчасти сбивчивые и неточные) относятся к разряду косвенных, а не прямых свидетельств и содержат собственно информацию лишь о том, что Пушкину было официально предписано отправиться в ссылку 6 мая. Вероятно, на следующий день почт-директор не проверял, доподлинно ли, совершилось это событие, а А.И. Тургенев в письме к брату фактически подтверждает, что какая-то задержка произошла. Напомним, что 6 мая 1820 г. было праздничным днем, днем Вознесения (40-м по Пасхе), который для Пушкина был особо значим: в

день Вознесения он родился. Может быть, потому он и промедлил с отъездом, что хотел провести этот праздник в семье. С другой стороны, в праздничный день, как это обычно на Руси, особенно вероятны всякие накладки – например, могло не оказаться на почтовой станции ямщиков или лошадей.

Во всяком случае год спустя (даже если это объяснить, что маловероятно, пушкинской забывчивостью) поэт считал, что покинул столицу 9 мая.²

Данные выкладки еще мало приближают нас к онегинскому замыслу, но они во всяком случае объясняют, почему в памяти Пушкина прочно осела эта дата.

В чем ее онегинское значение?

Ответ на этот вопрос, как мне кажется, дает написанное спустя несколько дней письмо Пушкина к Н.И. Гнедичу, которое необходимо процитировать полностью (опустив только постскриптум): "Благодарю вас, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы бессарабского пустынного. Он молчит, боясь надоедать тем, которых любит, он очень рад случаю поговорить с вами об чем бы от ни было.

Если можно приступить ко второму изданию "Руслана" и "Пленника", то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попечение; но ваши предложения останавливают меня по многим причинам. 1) Уверены ли вы, что цензура, поневоле пропустившая в 1-й раз "Руслана", нынче не опомнится и не заградит пути второму его пришествию? Заменять же прежнее новым в ее угоду я не в силах и не намерен. 2) Согласен с вами, что предисловие есть пустословие довольно скучное, но мне никак нельзя согласиться на присовокупление новых бредней моих; они мною обещаны Якову Толстому и должны поступить в светособливо. Правда, есть у меня готовая поэмка, да NB цензура. Tout bien vu

² В качестве любопытной параллели такого соотношения биографических дат Пушкина вспомним начало повести "Записки молодого человека" (1829): "4 мая 1825 г. произведен я в офицеры, 6-го получил повеление отправиться в полк <...>, 9-го выехал из Петербурга" (З, т. 8, с. 403).

не кончить ли дела предисловием? Дайте попробовать, авось не наскучу. Я что-то в милости у русской публики

Je n'ai pas mérite

Ni cet excès d'honneur ni cette indignité

Как бы то ни было, пользуясь своим *случаем*, говоря ей правду неучтивую, но, быть может, полезную. Я очень знаю меру понятий, вкуса и просвещения этой публики. Есть у нас люди, которые выше ее; этих она недостойна чувствовать; другие ей по плечу; этих она любит и почитает. Помню, что Хмельницкий читал однажды мне своего "Нерешительного"; услыша стих "И должно честь отдать, что немцы аккуратны", я сказал ему: вспомните мое слово, что при этом стихе все захлопает и захохочет. – А что тут острого, смешного? очень желал бы знать, сбылось ли мое предсказание.

Вы, коего гений и труды слишком высоки для этой детской публики, что вы делаете, что делает Гомер? Давно не читал я ничего прекрасного. Кюхельбекер пишет мне четырестопными стихами, что он был в Германии, в Париже, на Кавказе и что он падал с лошади. Все это кстати о "Кавказском пленнике". От брата давно не получал известия, о Дельвиге и Баратынском также – но я люблю их и ленивых. Vale³, sed delenda est censua.

13 мая <1823>. Кишинев" (2, т. 13, с. 62–63).

Это письмо – единственный пушкинский документ, характеризующий его настроение и мысли в промежутке между двумя начальными датами "Евгения Онегина", 9 и 28 мая 1823 г.

В нем заметен ряд "онегинских реминисценций" разного масштаба.

Защищая своего героя от недоброжелательного читателя, Пушкин скажет в последней главе романа:

"Зачем же так неблагосклонно
Вы отзываетесь о нем?
За то, что мы неугомонно

³ Ср. в "Евгении Онегине": "В конце письма поставить Vale" (2, т. 6, с. 7).

Хлопочем, судим обо всем,
 Что пылких душ неосторожность
 Самолюбивую ничтожность
 Иль оскорбляет, иль смешит,
 Что ум, любя простор, теснит,
 Что слишком часто разговоры
 Принять мы рады за дела,
 Что глупость ветрена и зла,
 Что важным людям важны вздоры
 И что посредственность одна
 Нам по плечу и не странна?" (2, т. 6, с. 169)

(ср. в письме: "Есть у нас люди, которые выше ее, этих она недостойна чувствовать; другие ей по плечу; этих она любит и почитает"). Между прочим, эта строфа отсутствует в черновиках последних глав "Онегина", выполненных в Болдино, – не является ли она следом первых поступов к роману?

Письмо к Гнедичу в полной мере объясняет опасение Пушкина цензурных придирок к первой главе романа. В ней вовсе не было политической сатиры, но она наполнена мотивами антиханженской, легкой поэзии, подобно поэме "Руслан и Людмила". Недаром во второй строфе романа Пушкин обращается к читателям как к "друзьям Людмилы и Руслана", а в последней строфе первой главы вспоминает о цензурных придирках ("Цензуре долг свой заплачу" – 2, т.6, с. 30). Вообще же особенно в первой главе романа в стихах обнаруживается мощный пласт "легкой поэзии" (см. об этом 4).

Проходное упоминание, в письме к Гнедичу, Я.Н. Толстого, председателя "Зеленой лампы", тоже ориентирует на текст первой онегинской главы. Еще Б.Л. Модзалевский отмечал, что изображенный здесь в подробностях день столичного денди восходит к пространному стихотворению Я.Н. Толстого "Послание к петербургскому жителю", которое Пушкин использовал почти цитатно (см. 5, с. 602–603), ср.:

"Проснувшись поутру с обедней,

К полдню кончаешь туалет,
 Меж тем лежит уже в передней
 Зазывный на вечер билет...
 Спешешь, как будто приневолен,
 Шагами мерить бульвар...
 Прогулку кончивши, в карикле
 На званый завтрак ты спешишь...
 Пора однако же карету
 Тебе закладывать велеть;
 Пора в театр, туда к балету,
 Я знаю, хочешь ты поспеть;
 И вот, чрез пять минут, в спектакле
 Ты в ложах лорнируешь дам..." (6, с. 33)

Отразилась в романе (отмечено В. Набоковым) и ремарка Пушкина насчет "аккуратных немцев" в комедии Н.И. Хмельницкого "Нерешительный", ср.:

"И хлебник, немец аккуратный,
 В бумажном колпаке, не раз
 Уж отворял свой *васисдас*" (2, т. 6, с. 20).

Следует заметить, что и мотивы светской комедии, наиболее талантливый автор которой Пушкин считал Хмельницкого, в первых главах "Евгения Онегина" также чрезвычайно обильны (см. подробно 7).

Отозвались в первой главе и стихи Гнедича: в примечаниях Пушкин дает пространную цитату из идиллии "Рыбаки", предваренную комплиментарным замечанием: "Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича" (в черновике еще сильнее: "блистательное описание" — 2, т. 6, с. 191, 529).

Резонирует в романе и стихотворение Кюхельбекера, о котором Пушкин вспоминает в письме к Гнедичу:

"Мы оба бросили тот свет,
 Где мы равно терзались оба,

Где клевета, любовь и злоба
Размучали обоих нас!.." (8, т. 1, с. 153).

Тема эта развита Пушкиным в строфе XLV:

"Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время...
Страстей игру мы знали оба,
Томила жизнь обоих нас,
В обоих сердца жар угас."

В этом отношении необходимо вспомнить также отражение кюхельбекеровских черт в третьем по значимости герое романа – в Ленском (см. 9, с. 273–290). Во всяком случае, читая предсмертную элегию Ленского ("Куда, куда вы удалились"), мы вправе вспомнить все то же стихотворение Кюхли:

"И недалек, быть может, час
Когда при черном входе гроба
Иссякнет нашей жизни ключ;
Когда погаснет свет денницы,
Крылатый бледный блеск зарницы,
В осеннем небе хладный луч..." (8, т. 1, с. 153)

Такой многослойный пласт предонегинских мотивов и тем в письме Пушкина к Гнедичу от 13 мая 1823 г., на наш взгляд, не может быть случайным. Важны здесь и прямые цитатные переключки, и перспективные для романа конструктивные предвосхищения. Можно полагать поэтому, что дата "9 мая 1823 г.", от которой Пушкин впоследствии отсчитывал время своей работы над произведением, – это день получения письма от Гнедича. Можно представить, насколько важно было для Пушкина в третью годовщину своего изгнания получить весточку из Петербурга, она могла возбудить множество мыслей, получавших у Пушкина всегда

творческое воплощение.⁴ Отметим здесь еще один трогательный штрих: если письмо от Гнедича было действительно получено в Николин день (9 мая), оно способствовало, несомненно, закреплению в памяти этой даты, ведь Гнедича звали Николаем.

Надаром поэтому, закончив в Болдино работу над романом, начатым семь лет назад в Кишиневе, Пушкин прежде всего вспоминает о Гнедиче, создав в октябре-ноябре 1830 г. несколько антологических эпиграмм и среди них – "На перевод Илиады" и "Труд"

"Миг вожделенный настал: окончен труд многолетний.

Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?

Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,

Плату приявший свою, чуждый работе другой?

Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,

Друга Авроры златой, друга пенатов святых?"

(2, т. 3, с. 220).

Это стихотворение заставляет вспомнить онегинскую строфу:

"Как часто летнею порою,

Когда прозрачно и светло

Ночное небо над Невою

И вот веселое стекло

Не отражает лик Дианы,

Вспомня прежние романы,

Вспомня прежнюю любовь,

Чувствительны, беспечны вновь,

Дыханьем ночи благосклонной

Безмолвно упивались мы!

⁴ Вероятно, Пушкин знал, что при первых слухах о грозящих ему гонениях, Гнедич стал одним из самых пылких его защитников. Ф.Н. Глинка вспоминал: "Между тем ... разнеслось по городу, что Пушкина берут и ссылка. Гнедич, с заплаканными глазами (я сам застал его в слезах) бросился к Оленину" (10, т. 1, с. 208).

Как в лес зеленый из тюрьмы
 Перенесен колодник сонный,
 Так уносились мы мечтой
 К началу жизни молодой" (2, т. 6, с. 24).

Именно от этой строфе в примечаниях к роману обозначена упомянутая нами выше отсылка к идиллии Гнедича.

В конце октября–начале ноября 1830 г. в черновике "Каменного гостя" появляется единственный до сих пор из обнаруженных в пушкинских рукописях портрет Гнедича (ПД 921, л. 46 об.; см. тж. 11, с. 238–243).

Самое задушевное, по определению В.Г. Белинского, произведение Пушкина, роман в стихах "Евгений Онегин" в каждой строфе обретает бесконечную глубину в силу концентрации пушкинских впечатлений и раздумий в их временной, выстраданной поэтом перспективе. Перспектива эта угадывается уже в первоначальной дате онегинского замысла, 9 мая 1823 г., поистине одухотворенной и бореньем с невзгодами, и дружеским участием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макогоненко Г.П. Избранные работы. Л., 1987.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, т. 1–16. М., 1937–1949.
3. Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. М., 1951.
4. Баевский В.С. Традиция "легкой поэзии" в "Евгении Онегине". In: Пушкин. Исследования и материалы, т. 10, Л., 1982.
5. "Русская старина", 1899, сентябрь.
6. Толстой Я. Мое праздное время, или собрание некоторых стихотворений. СПб., 1821.
7. Фомичев С.А. У истоков замысла романа в стихах "Евгений Онегин". In: "Болдинские чтения", Горький, 1982.
8. Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. М–Л., 1967.
9. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1968.
10. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974.
11. Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. М., 1980.